

## ОСОБЕННОСТИ КОМПОЗИЦИИ РОМАНА Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА «ПРИВАЛОВСКИЕ МИЛЛИОНЫ»

Л. ГАЛИНЕНЕ

Композиция как средство раскрытия идейного содержания представляет особый интерес при изучении такого произведения, как «Приваловские миллионы» Д. Н. Мамина-Сибиряка (1882 год).

В советском литературоведении богатство идейного содержания этого романа получило высокую оценку и признание<sup>1</sup>. В этом романе мы находим критику народничества, разоблачение буржуазного хищничества, утверждение патриотических традиций горнозаводского дела в России. Идейное содержание романа отличается исключительной общественной злободневностью. Как раз в 80-е годы особенно активизировалась деятельность пермских народников. Мамин-Сибиряк показывает в романе «Приваловские миллионы» несостоятельность их теорий и практической деятельности в борьбе с капитализмом в сельском хозяйстве и на заводах. Разоблачение хищничества буржуазии писатель ведет по следам получившего широкую известность на Урале дела по ограблению и жульническому присвоению Сергинских заводов<sup>2</sup>. Утверждение патриотических традиций в развитии уральского горнозаводского дела является ответом Д. Н. Мамина-Сибиряка народникам и участникам I-го съезда уральских промышленников. В этом отношении роман «Приваловские миллионы» тесно связан с публицистикой писателя (очерки «От Урала до Москвы») и с его деятельностью в качестве корреспондента съезда горнопромышленников.

В характеристике идейного своеобразия романа большой интерес представляет определение идеи романа, данное самим автором в «Автобиографической заметке» (1886 год). Роман рассматривается здесь как часть «приваловской эпопеи», которая «должна была охватить собой полный цикл развития приваловского типа». «В «Приваловских миллионах» выведен последний из Приваловых, человек, который несет в своей крови тяжелое наследство и который под влиянием образования постоянно борется с унаследованными пороками. В общем он повторяет «раздвоенных» русских людей, у которых хорошие намерения и заветные мечты постоянно идут вразрез с практикой»<sup>3</sup>. В итоге

<sup>1</sup> См. работы Е. А. Боголюбова (докторская диссертация), А. И. Груздева, В. Г. Сержантова, А. Г. Березкиной.

<sup>2</sup> См. очерки «От Урала до Москвы» Кушва-Чусовая: Д. Н. Мамин-Сибиряк, Собр. соч., 1955 год, том 8, стр. 357—360. См. также статью А. Г. Березкиной «О фактической основе сюжета и прототипах романа Д. Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы». — Ученые записки Куйбышевского госуд. педагогического института, выпуск 9, 1948 год.

<sup>3</sup> Д. Н. Мамин-Сибиряк, Собр. соч., М., 1955 г., т. 8, стр. 433.

десятилетней творческой истории романа Мамин-Сибиряк всем сильным, ярким характерам прошлого предпочел своего «раздвоенного» современника. Основную идейную направленность «Приваловских миллионов» Мамин-Сибиряк связывает с Сергеем Приваловым, а среди и всему богатому материалу, характеризующему действительность, самостоятельного значения не придает<sup>4</sup>. Таков итог, к которому пришел писатель в результате многолетней работы над романом. По сравнению с ранними вариантами романа в «Приваловских миллионах» многие важные сюжетные линии получили приглушенное звучание (линия Бахарева), или совсем исчезли (линия Батманова). Но от одного варианта романа к другому усиливались роль и идейное значение Сергея Привалова, ставшего главным героем романа. Детально изученная в советском литературоведении творческая история романа, раскрывает разные этапы художественного познания этого типа Мамин-Сибиряком. «Во всех редакциях романа герой Надежды Бахаревой (Батманов — Л. Г.) неизменно оказывался выше Привалова силою своего ума, значительностью идей и возвышенностью стремлений»\*. Предпоследняя редакция романа называлась «Сергей Привалов», а в последней редакции Мамин-Сибиряк обрел уверенность в том, что Сергей Привалов является центральной и самой значительной фигурой романа «Приваловские миллионы». Однако объективный смысл романа гораздо шире данного автором толкования. Наряду с главным героем Сергеем Приваловым в романе получают исключительно важное значение реалистически воспроизведенные социально-экономические процессы и проблемы пореформенной российской действительности. В настоящей статье ставится задача проследить как в композиционной организации романа выразилась вся сложность и многогранность его идейного содержания. По определению К. Федина: «Композиция никогда не является произволом писателя, как бы причудлива она ни была. Композиция есть логика развития темы (так же, как сюжет — логика развития образа)»<sup>5</sup>.

Самой яркой чертой композиции романа «Приваловские миллионы» является стремление автора выделить С. Привалова, поставить его в центр произведения. Герой противопоставлен хищнической буржуазии как носитель передовых идеалов. В композиции романа Мамин-Сибиряк использует целый ряд приемов, подчеркивающих это противопоставление и исключительное внимание к герою.

Сергей Привалов — сквозной герой произведения. В пяти частях романа, включающих 86 глав, можно насчитать всего 9 глав, в которых герой не принимает прямого участия и о нем не упоминают в разговоре другие действующие лица.

С первых страниц в роман вводится обобщенный образ уральского города Узла. Эта новая среда, в которую попадает герой, изображается в романе как живое существо — источник сплетен, праздного любопытства, воплощение паразитизма и буржуазной деградации. Дома, улицы, клубы, «мнение» города в его отношении к главному герою подробно описываются писателем.

Мамин-Сибиряк в данном случае использовал традицию, вошедшую в русскую литературу с творчеством Н. В. Гоголя. Уездный город как обобщенный образ входит в поэму «Мертвые души» наряду с его ге-

<sup>4</sup> Несколько ниже в «Автобиографической заметке» Мамин-Сибиряк считает серьезным недостатком романа «На улице» то, что в нем «перемешались две темы: с одной стороны перед читателем проходят лица из «Горного гнезда», а с другой — представители улицы». Мамин-Сибиряк, Собр. соч., т. 8, стр. 433.

<sup>5</sup> К. Федин, Писатель, искусство, время, СП, М., 1957 г., стр. 381.

\* А. И. Груздев, Д. Н. Мамин-Сибиряк, ГИХЛ, М., 1958, стр. 81.

роями — дворянами и чиновниками. «Как вихорь взметнулся дотоле, казалось, дремавший город!.. На улицах показались крытые дрожки, неведомые линейки, дребезжалки, колесосвистки — и заварилась каша.»<sup>6</sup> У Мамина-Сибиряка обобщенный образ города получает ярко выраженное композиционное значение.

Роман начинается с колоритной бытовой сцены ожидания в доме Заплатиных. Ждут С. Привалова, хотя для Хионии Алексеевны (Хины) Заплатиной он вовсе не родня и даже не знакомый человек. Но он миллионер, наследник Шатровских заводов, и его приезд в Узел обещает так много, что Хина даже теряется в догадках. Бешено бьется в комнате Хины пульс всего города. «Приехал... барыня, приехал!.. Вчера ночью приехал... Остановился в «Золотом якоре»<sup>7</sup>. Это первые строки романа, передающие атмосферу напряженного интереса всего города к С. Привалову еще до его появления. Герой становится центром всеобщего внимания. «Приезд Привалова в Узел сделался событием дня», повторяли «каждое слово», следили за каждым его шагом. По поводу приезда возникали самые остроумные догадки, объяснения, пикантные подробности (часть I, гл. 2). И так до конца романа С. Привалов неизменно привлекает всеобщее внимание. Стоит ему появиться в доме Верекиных, как «многие нарочно приезжали затем только, чтобы взглянуть на этот феномен» (т. 2, стр. 311). «Нынешний пост четверги Агриппины Филиппьевны заставляли говорить о себе положительно весь город, потому что на них фигурировал Привалов» (т. 2, стр. 311). Затем этот интерес к наследнику приваловских миллионов переместился и в Ирбит, на Ирбитскую ярмарку. И здесь С. Привалову не удалось затеряться в толпе. После Ирбитской ярмарки каждое событие в жизни героя — смерть Кати Колпаковой, при которой С. Привалов присутствовал, женитьба на Зосе Ляховской, — соответствующим образом комментируются в городе. С. Привалова знают все, он постоянно у всех на виду.

Большое место в композиции романа отводится повествованию и описанию. С той же целью выделить героя, подчеркнуть его центральное положение, Мамин-Сибиряк очень часто прибегает к его помощи в описании обстановки, убранства комнат. С помощью С. Привалова описывает автор кабинет Бахарева (ч. I, гл. 4), моленную на половине Марии Степановны (ч. I, гл. 14), комнату Колпаковой (ч. I, гл. 15), комнаты Ляховских (ч. II, гл. 12). Посредничество С. Привалова в описании интерьера в большинстве случаев ничем не обосновано. Автор не придает описанию никакой эмоциональной окраски, исходящей от героя. Это просто авторское объективное перечисление предметов. Например: «Привалов только теперь осмотрелся в полутемной комнате, заставленной самой сборной мебелью, какую только можно себе представить. Перед диваном из красного дерева, с выцветшей бархатной обивкой, стояла конторка палисандрового дерева; над диваном висела картина с купающимися нимфами; комод, оклеенный карельской березой, точно навалился на простенок между окнами» (т. 2, стр. 77). Описаний такого рода в романе много. Все вместе они говорят о повышенном интересе С. Привалова к убранству комнат, к мебели, не получившем своего объяснения в романе.

Особое место в романе уготовлено С. Привалову и благодаря существованию внутреннего плана, ставшего важнейшим композиционным приемом в романе «Приваловские миллионы». С момента появле-

<sup>6</sup> Н. Гоголь, Собр. соч., 1949 г., т. 5, стр. 190.

<sup>7</sup> Д. Н. Мамин-Сибиряк, Собр. соч., 1954 г., т. 2, стр. 7. Дальше текст романа цитируется по этому изданию с указанием тома и страницы.

ния С. Привалова в романе Мамин-Сибиряк почти исключительно привилегией этого героя делает изображение его внутреннего мира, сопутствующие ему пространные психологические характеристики. Психологические характеристики в образе С. Привалова приобретают особое значение в композиционной организации всего произведения — это внутренний план в отличие от внешнего — окружающей среды Мамин-Сибиряк противопоставляет эти два плана друг другу, внутренний мир героя получает четкое композиционное обособление. Петербургский делец Шпигель подмечает, какое большое место в жизни С. Привалова занимает внутренняя борьба. «Привалов очень сложная натура, хотя он кажется простачком. В нем постоянно происходит внутренняя борьба. Ведь вместе с правами на наследство он получил много недостатков и слабостей от своих предков. Вот для вас эти слабости-то и имеют особенную важность.» (т. 2, стр. 134). И автор готов признать справедливость этого вывода. «Привалов постоянно переживал все муки неустоявшейся мысли, искавшей выхода и не находившей к чему прилепиться» (т. 2, стр. 238). Надежда Бахарева, так же, как и её отец, прощают С. Привалову все его происхождения в Узле, потому что верят в его благородство. Надежда Васильевна «интересовалась его внутренней жизнью, даже его ошибками, в которых обрисовывался оригинальный тип» (т. 2, стр. 429). Сам герой постоянно проводит резкую грань между внутренним и внешним миром: «Все другие могли видеть только одну внешность, а ей (Наде Бахаревой — Л. Г.) он откроет свою душу». (т. 2, стр. 418). Автор не раз подчеркивает, как тщательно его герой оберегает свой внутренний мир от постороннего вторжения. «Все, и хорошее и дурное, Привалов переживал один на один, не требуя ничьего участия, ни совета, ни сочувствия» (т. 2, стр. 370).

У Лоскутова — представителя передовой демократической интеллигенции в романе — возникает даже целая теория о «неизмеримо обширнейшем внутреннем мире» по сравнению с «внешним миром», который «движется одной бессознательной идеей» (т. 2, стр. 431).

Внутренний план романа утверждает величие нравственного подвига народников, их стремление помочь народу, спасти его от угнетения и эксплуатации, даже тогда, когда терпит поражение их практическая деятельность. Идеиная убежденность народников, верность прогрессивным идеалам обеспечивает им почетное место в обстановке разгула капиталистического хищничества.

Резкий контраст внутреннему миру составляет пассивность героя в жизни, его неприспособленность, непонимание обстановки, в которую он попал. Здесь, во внешнем плане романа, разоблачается несостоятельность теорий и практической деятельности народничества. И даже тогда, когда возникает возможность показать активность, организаторские способности и предприимчивость героя, Мамин-Сибиряк ее не использует. В романе не показано строительство мельницы, этапы организационной работы, в которой герой романа активно участвует. Обо всем этом говорится очень кратко. Первое такое сообщение принадлежит Заплатиной. Оно выдержано в стиле городской сплетни «о компрометирующем знакомстве» С. Привалова с прасолом Нагибиным и об их отъезде из города на паре. «Матрешка донесла своей госпоже, что Привалов строит мельницу в деревне Гарчики...» (том 2, стр. 232). Затем следует очень краткое сообщение, подтверждающее «донесение» Матрешки (часть III, глава 10). В 9 главе IV части романа Привалов на мельнице наслаждается сельской весной и «присматривается к крестьянскому хозяйству». Здесь опять не показана деловая активность

героя. А затем следует итоговая сцена народного гуляния по поводу окончания строительства мельницы (часть V, глава 5). «Приваловские миллионы» — роман о «внутреннем человеке» (В. Белинский), самый психологический роман из всех романов уральского заводского цикла в творчестве Мамина-Сибиряка. Существенное значение в романе приобретает психологический комментарий — оценка героем тех событий, свидетелем которых он является, или же его раздумья над жизнью. Посещение Шатровских заводов, ознакомление с производством вызвало у героя тяжелые переживания. «Привалов чувствовал себя в этом царстве огня и железа чужим, лишним человеком...» и «вздохнул свободнее, когда выбрался под открытое небо» (т. 2, стр. 240—241). На балу у Ляховских среди всеобщего веселья С. Привалов переживает приступ тяжелой хандры: «Тоска навалилась на Привалова с новой силой... Зачем он здесь? Зачем сейчас знакомился с этими людьми и пил шампанское?» (т. 2, стр. 274; ч. IV, гл. 4, ч. V, главы 1, 5, 6 и др.). Здесь подчеркивается разница между внутренним и внешним планом, раскрывается противоречие между благородными стремлениями героя и его реальным положением. Внутренняя борьба переходит в отрицание действительности, и герой освобождается от унаследованных им пороков.

Содержание внутреннего плана составляют любовные переживания С. Привалова (в романе 3 любовные интриги с участием С. Привалова), его впечатления и воспоминания при возвращении в Узел после долгого отсутствия (I часть), чувство удовлетворения и покоя на фоне сельской природы (IV часть), стыда и раскаяния (III и IV часть), растерянности и безвыходности после посещения Ирбитской ярмарки (часть V) и др. Мамин-Сибиряк делает героем своего романа человека, способного глубоко чувствовать и переживать.

Разнообразны средства художественной выразительности, использованные автором для раскрытия внутреннего мира героя. Они меняются в зависимости от внутреннего развития образа. В первой части преобладает повествование и описание (часть I, главы 3—7, 13—17). Имеются здесь и диалоги, подчас напряженные и бурные, например, объяснение С. Привалова с В. Н. Бахаревым (ч. I, гл. 17). Характерен для этой части и внутренний монолог (раздумья героя перед портретом матери, ч. I, гл. 12). Любовная интрига в первой части обрывается неожиданно и драматически, случайно подслушанным разговором Н. Бахаревой и Лоскутова (ч. II, гл. 20). Здесь, во 2 главе, автор впервые применяетлюбившийся ему композиционный прием неожиданного обрыва действия. Трижды герой случайно подслушивает разговор о себе. Так он порывает с Половодовой (часть IV, гл. 8), так узнает правду о своих семейных делах (ч. V, глава 9). В четвертой и пятой частях важнейшее значение приобретает внутренний монолог. Здесь герой обретает способность анализировать свои поступки и чувства, глубоко терзается он муками совести, душевной болью. Здесь С. Привалов подводит безрадостный итог своей деятельности на заводах (ч. V, гл. 3—4), готов убежать от самого себя (ч. V, гл. 9 и 10). Исповедь героя перед Н. Бахаревой это тоже попытка разобраться в самом себе. Внутренний мир героя дан в романе в развитии. Первая часть выполняет роль экспозиции. Здесь для героя характерно благодушно-восторженное состояние. Жизнь вносит диссонансы в этот внутренний мир. Постепенно переживания героя и их выражение становятся более активными, яркими: «Этот шопот заставил побелеть Привалова, он боялся оглянуться на шептавшихся, как человек, который ждет смертельного удара. У него дрожали колени и тряслись губы от бешенства. Теперь он

в состоянии был убить кого угодно...» (часть V, гл. 9). И главный итог эволюции заключается в том, что С. Привалов начинает понимать противоречия между собственными благими намерениями и тем, что у него получается в жизни.

«Из «Золотого якоря» Привалов вышел точно в каком-то тумане; у него кружилась голова. Он чувствовал, что все кругом него начинает рушиться, и ему не за что даже ухватиться. Приходилось жить с такими людьми, с которыми он не имел ничего общего, и оттолкнуть от себя тех, кого он ценил и уважал больше всего на свете. Прежде чем вернуться в свой дом, Привалов долго бродил по городу, желая освеситься. В голове поднимался ворох самых невеселых мыслей. Жизнь начинала тяготить Привалова, а сознание, что он поступает как раз наоборот с собственными намерениями — щемило и сосало сердце, как змея» (т. II, гл. 6, стр. 371).

Нелегкий путь душевных испытаний героя заранее предсказывается таинственной встречей С. Привалова с сумасшедшим (ч. I, гл. 15), а затем новая встреча (ч. V, гл. 13), введением сказочного мотива, не предвещавшего ничего хорошего от сближения С. Привалова с Зосей Ляховской: «Если поедешь направо — сам будешь сыт, конь голоден, поедешь налево — конь будет сыт, сам будешь голоден; а если поедешь прямо — не видать тебе ни коня, ни головы», — припомнились Привалову слова сказки, и он поехал прямо на дымок кошей» (ч. IV, гл. 12).

По замыслу автора, С. Привалов должен был пройти трудный путь борьбы с унаследованными пороками, которые он побеждает «под влиянием образования». Не «образование», а жизнь дает суровые уроки герою, заставляет переоценить и свои собственные силы и понять многое в окружающей его действительности. Авторская концепция произведения нуждается в дополнении: «Приваловские миллионы» это не только (а может быть и не столько) роман о духовном возрождении последнего из Приваловых, сколько о важных и сложных процессах в русской жизни 80-х годов. Проблема соотношения героя и среды приобретает важнейшее значение в анализе композиции романа «Приваловские миллионы».

В I-ой части романа все события и действующие лица сгруппированы вокруг С. Привалова. Все в городе с нетерпением ожидают его приезда (гл. 1), его приезд становится центром внимания (гл. 2). Это очень важное событие для семьи Бахаревых (гл. 2—8, 13—17). Все вопросы и проблемы возникают в связи с приездом героя. Самостоятельное значение имеют биографии Заплатиной (т. 2, гл. I, стр. 10), Бахаревых (т. 2, гл. 9, стр. 45—50), разговор Н. Бахаревой с отцом о жизни (т. 2, гл. 8, стр. 43) и интерьер «Домик Заплатиных» (т. 2, гл. 1, стр. 11—12), «Бахаревский дом» (т. 2, гл. 2, стр. 14—15). Биографии и интерьер уже с первой части романа стали «дежурными» компонентами. По мнению молодого автора, появление каждого нового героя, даже второстепенного, должно сопровождаться биографией, а интерьер необходим в качестве обязательной декорации в каждой новой сцене. В первой части нет основания говорить о перегруженности, о ненужности этих компонентов — Бахарева и Заплатина выступают в качестве основных героев произведения. Но в дальнейшем именно эти компоненты чаще всего обнаруживают неопытность автора и отдельные художественные промахи в его произведении. Из этой части произведения видим, что автор прекрасно знает нужды уральской промышленности. Мамин-Сибиряк обстоятельно и с разных точек зрения мотивирует необходимость решительных мер в области заводского хозяйства и управления. Это как раз та сторона жизни, которая очень хорошо

знакома писателю, которой он интересовался как публицист и корреспондент съездов промышленников. Его позиция в вопросе о настоящем и будущем заводов резко отличается от народнической. Глубоко и обстоятельно мотивированная необходимость решительных мер в ведении заводского дела, является разоблачением позиции народников, критикой этих теоретиков с позиций действительности.

Жизнь диктует С. Привалову необходимость решительных действий относительно опекунского совета, управляющего заводами. В городе С. Привалова окружает напряженная атмосфера, вынуждающая его действовать. Для буржуазного города не были секретом злоупотребления опекунского совета. У Ляховского и Половодова «рыльце в пушку» (стр. 8), один из этих опекунов (Ляховский) «давно присосался, но поймав его ужасно трудно», другой (Половодов) еще только «присматривается, нельзя ли сорвать свою долю» (т. 2, стр. 39). Даже Заплата убеждена в необходимости крутых мер против опеки и в их обязательном осуществлении: «Я очень рада, что Привалов посбавит им спеси, то есть Ляховским и Половодовым. Уж очень зазнались. Вот уж, погодите, подтянет вас, голубчиков, наследничек-то... Ха-ха...» (т. 2, стр. 8). Весь город следит за каждым шагом героя, стараясь предугадать его планы и цель приезда в Узел. «Более серьезные и принципиальные субъекты» обсуждали, куда и к кому ездил С. Привалов и что это означает, какие опасности таятся здесь для опеки. «Что заставило Привалова сделать визит Бахареву сейчас же по своем приезде в Узел? Почему он, Привалов, не сделал такого же визита своим опекунам? Не хотел ли он этим показать последним свое неудовольствие?» (т. 2, стр. 62). Квартира Заплатиных превращается в наблюдательный пункт. «Заплата прильнула к окну; у нее даже сердце усиленно забилося в высохшей груди: куда поедет Привалов? Если направо по Нагорной — значит, к Ляховскому, если прямо по Успенскому бульвару — к Половодову. Вон Ипат и извозчика свистнул, вон и Привалов вышел, что-то подумал про себя, посмотрел направо и сказал извозчику:

— В Нагорную... налево» (т. 2, стр. 89).

Узел, с приездом Привалова, живет напряженной жизнью ожидания решительных действий, осуществление которых не вызывает ни у кого сомнения.

К действию взывает история заводов, их славное прошлое и печальное настоящее. Мамин-Сибиряк вводит в I-ую часть историческую справку (т. 2, гл. IX, стр. 45—55). Шатровские заводы знамениты на Урале. «Они больше шести миллионов стоили» (т. 2, стр. 39). Дед С. Привалова — Павел Гуляев не пожалел ни своих капиталов, ни даже единственной дочери ради спасения Шатровских заводов. «Когда заводское хозяйство начало хромать на обе ноги» (т. 2, стр. 46), он выдал замуж за Привалова свою дочь, и своими капиталами поднял заводы. Все свои миллионы дед завещал внуку С. Привалову, и ему-то и предстояло вернуть заводам их былую славу. «Ведь ты у меня один... Один как перст!» (т. 2, стр. 46), — говорил Гуляев маленькому С. Привалову. Чужие, посторонние люди управляют заводами (опекунский совет). С. Привалов как наследник Шатровских заводов должен был вступить в управление ими. Он должен был освободиться от опеки, развязать себе руки.

Наставник и воспитатель С. Привалова В. Н. Бахарев убежден, что главной обязанностью С. Привалова является заводское дело. Для Привалова «уже одна фигура этого типичного старика служила как бы немим укором: а что же заводы? Как идут дела по опеке?» (т. 2,

стр. 367). Он ждет и требует от Привалова активного вмешательства в заводские дела:

«А что, Сергей Александрович, вот ты теперь третью неделю живешь в Узле, поосмотрелся? Интересно знать, что ты надумал... а?... Ведь не сидеть же такому молодцу сложа руки...» (т. 2, стр. 91). Когда Привалов рассказал о своем намерении строить мельницу и организовать хлебную торговлю, В. Н. Бахарев принял это сообщение как страшную, непоправимую трагедию. Это привело к разрыву между Бахаревым и Приваловым.

Непосредственное знакомство с заводами, встреча с башкирской делегацией вызывают к Привалову, к его долгу, обязанности заняться заводскими делами. Трагическую тяжесть этого долга герой ощущает почти физически. Мамин-Сибиряк вводит в 13-ую главу III-ей части сон Привалова. «Целую ночь снилась Привалову голодная Бухтарма. Он видел грязных, голодных женщин, видел худых, как скелеты, детей... Они не протягивали к нему своих детских ручек, не просили, не плакали. Только длинная шея Урокая вытянулась еще длиннее, и с его губ сорвались слова упрека:

— Наша земля — твой земля... — хрипел Урокай, совсем закрыв слезившиеся глазки. — Все — твой, ничево — наш... Ашата подход, Апайка подход, Урукай подход...

Привалов проснулся с холодным потом на лбу» (т. 2, стр. 250). Положение заводского населения, его судьба, грозящая ему «язва пролетариата» самый веский аргумент в пользу действия для героя. Он готов помочь народу — своим «историческим кредиторам», но поперек пути стоит опекунский совет и на долю героя выпадают только страдания от сознания своей беспомощности. «Но что он мог в его дурацком положении сделать для этих людей!» (т. 2, стр. 250).

Настойчиво подсказывают Привалову необходимость активных действий и представители передовой интеллигенции Узла. Надя Бахарева раскрывает перед ним значение заводов в жизни. «Я люблю их за тот особенный дух, который вносит эта работа в жизнь. Что-то такое хорошее, новое, сильное чувствуется каждый раз, когда смотришь на заводское производство. Ведь это новая сила в полном смысле слова»... (т. 2, стр. 72).

Николай Вережкин подсказывает необходимость решительной борьбы с опекой. «Со своей стороны могу сказать только то, что я с удовольствием поработал бы именно для такого запутанного дела... Так вот и приехал предложить свои услуги» (т. 2, стр. 84).

Так все более и более сгущается атмосфера вокруг героя, обрисовываются обстоятельства, заставляющие героя действовать. С реалистической убедительностью охарактеризована здесь Маминим-Сибиряком обстановка на уральских заводах в 80-е годы XIX века. И, конечно, не душевное состояние главного героя, а весь этот жизненный материал приобретает общественное значение.

Как же ведет себя герой в этой обстановке, требующей от него незамедлительного активного действия?

Он делает визиты, охотно посещает дом Бахаревых, ищет общения с их старшей дочерью Надей, влюбляется, умиляется уютной обстановкой этого дома, мечтает, размышляет, скучает.

Эпизоды сюжета (внешний план) перемежаются в этой части романа с изображением внутреннего мира героя (внутренний план).

В сюжетных эпизодах С. Привалов пассивен. Его приезд в Узел задает бешенный ритм, активность всей узловской жизни, а герой не чувствует этого, он медлит, бездействует. «Привалов скучал в те свобод-

ные промежутки, которые у него оставались между двумя визитами к Бахаревым. В эти минуты одиночества... Привалов насильно усаживал себя за какую-нибудь книгу (часть I, гл. 14, т. 2, стр. 71). Он не умеет приступить к делу, взяться за него. Н. Веревкин обескуражен неопытностью и доверчивостью Привалова в делах. Сразу же, ничего не проверив, ни с кем не посоветовавшись, он принимает предложение этого адвоката, отнюдь не пользующегося репутацией добропорядочного человека (часть I, гл. 16). Вместе с С. Приваловым в Узле появляется «дядюшка» — петербургский делец Шпигель. Но С. Привалов живет в полном неведении относительно этого странного совпадения, хотя в городе многие ломают над ним голову. «Ах, господи... Ведь говорила я Агриппине Филиппьевне, уже сколько раз говорила: «...Уж наверное, что недаром приехал этот ваш братец...» (т. 2, часть I, гл. 1, стр. 8). Пассивность, бездеятельность героя обращает на себя всеобщее внимание.

Сергея Привалова укоряет Марья Степановна: «Ты бы сходил к Ляховскому-то, — советовала она Привалову материнским тоном, — он хоть и бусурман, а всех умнее в городе-то. Вот тоже к Полововоду надо» (т. 2, стр. 69).

Волнуется хозяйка С. Привалова — Хина, а, следовательно, и весь город. «Почтенную даму даже бесило поведение Привалова, который, кажется, не хотел понимать коварства своих опекунов и оставался до безобразия спокойным. «Хиония Алексеевна зорко следила за каждым его шагом и только презрительно покачивала головой, когда Привалов, выйдя из ворот, поворачивал налево (к Бахаревым — Л. Г.)» (т. 2, часть I, гл. 13, стр. 68).

Пеняет С. Привалову за бездействие и В. Н. Бахарев.

Герой так и не переходит к действию. Сюжет I части составляют визиты, встречи, знакомства. Здесь С. Привалов напоминает Илью Ильича Обломова. Мамин-Сибиряк иронически комментирует поведение С. Привалова в это время: «Сам Привалов не замечал, как летело время. Та работа, о которой он мечтал, как-то не делалась, а все откладывалась день за день» (т. 2, часть I, гл. 14, стр. 71). «К Ляховскому в тот день Привалов, конечно, не поехал, как и в следующий день за ним» (т. 2, стр. 104).

В первой части, 16 главы С. Привалов испытывает чувство растерянности и недоумения, услышав предупреждение Веревкина: «Видите ли, настоящая каша заваривается еще только теперь, а все, что было раньше, — только цветочки.

— Помилуйте, Николай Иванович, что же еще-то может быть?» (т. 2, стр. 86).

Так и не догадался С. Привалов «что такое мог подозревать этот Веревкин в деле о наследстве» (т. 2, стр. 87).

Отношение автора к герою в этой части романа очень часто окрашено иронией, но нигде не переходит в сатиру. Бездейственность, пассивность героя для автора компенсируются его душевным богатством. Сюжетные эпизоды в I части чередуются с подробным описанием внутреннего мира того, что поражает, волнует героя, его самочувствия в новой обстановке. Ему «необыкновенно хорошо» в кабинете В. Н. Бахарева (т. 2, часть I, гл. 4, стр. 29), он «почувствовал себя как дома» на половине Марии Степановны (т. 2, стр. 29), с «удивлением» смотрит на Надю «точно стараясь что-то припомнить», поражается в ней «чему-то особенному, чего не было в других»; «с особенным удовольствием» припоминает С. Привалов подробности жизни в доме Бахаревых; взды-

хает над портретом матери. «Никогда еще ему не было так жаль матери, как именно теперь, и никогда он так не желал ее видеть, как в настоящую минуту. На душе было так хорошо, в голове было столько мыслей, но с кем поделиться ими, кому открыть душу! Привалов чувствовал всем существом своим, что его жизнь осветилась каким-то новым светом» (часть I, гл. XII).

Содержание внутреннего плана составляет поэзия зарождающегося большого чувства С. Привалова к Наде Бахаревой. В диалогах между героями выясняется общность их взглядов, идейная близость (ч. I, гл. XIV).

XIV глава подводит уже некоторый итог в развитии любовной истории. «Между ними, незаметно для глаз, выросло нравственное тяготение» (т. 2, стр. 75).

XVI глава заканчивается глубоким анализом чувства любви С. Привалова к Наде. «...Одно существование на свете Надежды Васильевны придало всем его планам совершенно особый смысл и ту именно теплоту, какой им не доставало» (т. 2, стр. 88). Это и первые огорчения героя — Надя уехала на заводы к брату. Уехала, уехала...» — как молотками застучало в мозгу Привалова, и он плохо помнил, как простился с Марьей Степановной и точно в каком-то тумане пришел в переднюю» (т. 2, часть I, гл. XVII, стр. 91).

Внутренний план раскрывает мир радостных, светлых чувств, удивительных открытий общности мысли, единства взглядов, нарастающей симпатии, человеческой благодарности и привязанности. И он действительно может реабилитировать героя в глазах читателя и сгладить, приглушить иронию автора. Но эти достоинства героя не заслоняют критической направленности произведения. С. Привалов — народник, разделяющий ложность народнических представлений о путях развития России, их планов по борьбе с капитализмом в сельском хозяйстве, их отношение к промышленности. Вокруг героя — капиталистическая действительность, а он закрывает на нее глаза. Народники не понимают жизни, исторических закономерностей развития. Они проходят мимо тех задач, которые выдвигает жизнь. Несостоятельность народнической программы в сельском хозяйстве раскрывается уже в I-ой части романа, еще задолго до того, как С. Привалов приступил к строительству мельницы. Его планы не вызваны жизнью, они придуманы народниками-теоретиками. Строительство мельницы и организация хлебной торговли соответственно не получают реалистической мотивировки в романе. Не случайно поэтому мельница является убежищем для героя в критические моменты его душевных переживаний. Дважды Мамин-Сибиряк показывает бегство на мельницу в качестве развязки душевной драмы героя (в III и IV частях романа). Само строительство мельницы начинается только тогда, когда героя постиг удар в личной жизни (он узнал о любви Нади Бахаревой к Лоскутову (ч. III, гл. 9). Второй раз он спасается бегством на мельницу после позорного конца любовной интриги с Половодовой (часть IV, глава 9). И сам герой начинает в конце концов смотреть на мельницу как на убежище от мирских неудач. «Теперь когда дома ему делалось слишком тяжело, он вспомнил о своей мельнице и по первопутку отправился туда» (ч. V, гл. 5).

I часть экспозиция всего романа. С. Привалов не оправдал надежд в решении задач развития заводского производства, поставленных на повестку дня. Никакой пользы заводам и заводскому населению от него не будет. «Значит заводы пойдут сами собой» — говорит В. Н. Бахарев. Еще более категорично выражает свое мнение К. Бахарев. «Ведь все

равно ты бросил заводы, значит они ничего не проиграют, если перейдут в другие руки, которые сумеют взяться за дело лучше нашего» (т. 2, стр. 235).

Уже в экспозиции С. Привалов потерял свой престиж, он не представляет интереса как деятель в области промышленности. Он полностью утратил инициативу в действии. Экспозиция подводит к новой расстановке сил — теперь начинает действовать хищническая буржуазия.

\* \* \*

Вторую, третью, четвертую и отчасти пятую части «Приваловских миллионов» объединяет общая композиционная организация, определяемая особенностями идейного содержания. Здесь показана борьба за приваловские миллионы. Главная роль в этой борьбе принадлежит хищнической буржуазии. Со второй части начинается поворот в развитии действия романа, инициатива переходит к буржуазным дельцам, а главный герой, С. Привалов, становится игрушкой в их руках. Такой поворот в развитии сюжета романа вытекал из творческого замысла.

И в этих частях романа Мамин-Сибиряк в композиционной организации произведения старается обеспечить С. Привалову центральное положение. В композиции романа это достигается прежде всего самим характером повествования. Мамин-Сибиряк избегает непосредственного, прямого изображения всех этапов действия хищнической буржуазии. Только завязка действия — сговор узловских хищников с петербургским «комбинатором» Шпигелем показан в романе (часть II, гл. 6 — Половодов и Шпигель), а в гл. 19 II-ой части — Ляховский, Половодов и Шпигель — договариваются о совместных действиях против Привалова. Все остальные этапы и перипетии этого действия в губернском городе по подкупу дворянской управы, в Петербурге — деловые операции Шпигеля, — прямо не показаны. О них мы узнаем только с помощью таких компонентов романа, как письма. Это письмо Кости Бахарева Привалову — часть IV, гл. 4, письмо Шпигеля Половодову (часть IV, гл. 13), телеграмма Половодову из Петербурга (ч. V, гл. 2). В главе 6 пятой части романа мы видим уже результат свершившегося действия — Костя Бахарев приезжает в Узел, потому что Половодов отстранил его от управления заводами. Как и когда сам Половодов стал поверенным от конкурса, как он снимал управляющего заводами — в романе не показано. Вместо конкретного изображения петербургских походов и хлопот Веревкина Мамин-Сибиряк дает рассказ адвоката, соответствующим образом прокомментированный (ч. V, гл. 8). Естественно, что все эти компоненты входят в последние части романа (в IV и V), когда уже обнаружился результат действия. Комбинация дельцов окутаны атмосферой тайны, они осуществляются как бы за рамками произведения. В самом романе это позволяет писателю не переключаться в область, далекую от героя, больше заниматься его внутренним миром. И все же не герой, а комбинация местных и петербургских дельцов представляет главный интерес в этой части романа. Дело в том, что за историей Шатровских заводов, описанной в «Приваловских миллионах», стоит судьба Сергинских заводов, принадлежащих братьям Губиным. Атмосфера тайны, недомолвки, отсутствие целых звеньев в цепи событий, разыгравшихся на Шатровских заводах несколько не умаляли этого интереса: история Сергинских заводов была широко известна на Урале (см. работы Е. А. Боголюбова, А. Г. Березкиной).

Действие в «Приваловских миллионах» является сферой проявления хищничества. Буржуазная активность, предприимчивость, инициатива подчинены корыстным целям, а пассивность главного героя является своеобразным протестом буржуазному хищничеству. Эпизоды сюжета, разнообразные компоненты произведения заключают в себе материал, порочащий буржуазию и местную, и петербургскую. В сюжете романа раскрывается мошенническое дело о присвоении Шатровских заводов. В это дело втянуты опека, губернатор, петербургские министры. Операция по отторжению Шатровских заводов от законных наследников осуществлена успешно — заводы стали собственностью какой-то таинственной компании.

В действии романа, разоблачающем буржуазных дельцов, в то же время показана их активность, предприимчивость, умение воспользоваться выгодными обстоятельствами и слабостями своего противника. В очень динамичных диалогах между героями намечаются задачи и план действия, ставится цель парализовать активность С. Привалова и Н. Веревкина, объявить несостоятельным одного из наследников Шатровских заводов (т. 2, стр. 132), назначить конкурс, поставить доверенным от конкурса Половодова (т. 2, стр. 132). Здесь показаны отношения между заговорщиками. Ляховского не так легко уговорить, он не верит Шпигелю. Происходит настоящий торг из-за размеров «гонорара». «После страшной борьбы Ляховский, наконец, согласился с теорией дядюшки «затянуть дело» (т. 2, стр. 197). На долю автора после сговора опекунов выпала роль «повествовать» об осуществлении намеченных планов.

Очень большая ставка в сговорах дельцов делается на использование слабостей характера их главного врага — С. Привалова, на психологический фактор. Шпигель с уверенностью утверждает, что С. Привалов «между прочим унаследовал одну капитальнейшую слабость: это — любовь к женщинам» (т. 2, стр. 134). Любовная интрига становится одним из средств и путей борьбы с С. Приваловым. Началу действия в любовных конфликтах всегда теперь предшествуют сцены — сговоры, подготовки к действию. Это диалог-сговор между супругами Половодовыми (ч. II, гл. гл. 5 и 7), диалог Половодова с Зосей (ч. IV, гл. 13).

Непосредственно предвеляют развитие любовного конфликта, как бы подстраивают его, наводящие мысли Хины (ч. IV, гл. 2).

Зося заинтригована рассказами Заплатиной, в которых С. Привалов назван гением, социалистом и «опасным человеком», «героем». «Он сделает чудеса там, где люди в течение тысячи лет только хлопали ушами» (т. 2, стр. 327). После этого разговора «Зося внимательно рассматривала выражение этого загорелого добродушного лица, открытый взгляд карих глаз, что-то уверенное и спокойное в движениях» — произвели на Зосю то впечатление, которое было подготовлено рассказами Хины. В глазах Зоси Привалов «сегодня действительно был героем, как человек, который резко выдался из среды других» (т. 2, стр. 331).

Во вторую часть романа Мамин-Сибиряк вводит сцену-монолог Половодова (г. 7), обдумывающего свой разговор со Шпигелем, перебирающего в уме всех узловских женщин, способных заманить Привалова и, наконец, делающего открытие. «Право, она (жена Половодова — Л. Г.) была красива сегодня, и в голове Половодова мелькнула собственная счастливая мысль: чего искать необходимую для дела женщину, когда она стоит перед ним?» (т. 2, стр. 138).

Функция любовной интриги в произведении меняется — она становится средством разоблачения хищников.

Разоблачение буржуазии в «Приваловских миллионах» приобретает значение широко нарисованной картины российской действительности. После реформы 1861 г. пробил час капиталистической активности. Капитализм в России, развивавшийся в условиях жестокой реакции, не был благоприятной почвой для деятельности демократических сил.

И тогда широко нарисованная писателем активизация капиталистического хищничества приобретает самостоятельное значение, а не только в связи с делом о наследстве С. Привалова. Факты, указанные в диалоге В. Н. Бахарева и С. Привалова (ч. I, гл. 6), о мошенничестве Холостова и воровстве Масмана выступают как предыстория в деле узловских дельцов.

В композиции романа важное значение приобретает и еще одна черта, обеспечивающая герою центральную роль в освещении различных сторон действительности. Новые действующие лица во II, III, IV частях романа вводятся, как правило, через С. Привалова. Только после того, как С. Привалов побывал у Половодова, следуют «половодовские» главы (ч. II, гл. гл. 4, 5, 6, 7). После визита к Ляховскому следует целый ряд глав, описывающих дом, членов семьи, сцены этого нового героя романа (ч. II, гл. гл. 11, 12, 13, 14, 15, 16, 18, 19). После поездки на завод — главы с участием заводского управляющего Кости Бахарева и М. Лоскутова (ч. II, гл. гл. 10, 11, 12, 13, 14).

Мамин-Сибиряк всякий раз обязательно и начинал характеристику нового героя с очень подробного описания дома, в котором он жил, расположения и убранства комнат, сообщал подробную биографию героя и членов его семьи, приводил сцены семейной жизни и т. д. Мамин-Сибиряк придерживается этого обязательного порядка и в отношении к Заплатинным, Бахаревым (ч. I), к Веревкиным, Половодовым, Ляховским (ч. II) и даже в характеристике второстепенных героев (Д. Шелехов, Агриппина Филиппьевна Веревкина и др.). Подробные биографии узловских дельцов Половодова и Ляховского, характеристики членов их семей заключают в себе большой критический материал.

«Половодов (т. 2, ч. II, гл. 7, стр. 125) пользовался в Узле репутацией дельца самой последней формации. Он очень заботился о том, чтобы чем-то выделиться из узловской среды, прослыть оригиналом — «отделал свой дом на английский манер и года два корчил из себя сквайра» (т. 2, стр. 125), то прослыл славянофилом. Все фальшиво в его доме, все напоказ. «Женитьба на Антониде Ивановне была одним из следствий этого увлечения тайниками народной жизни... с полгода... (она) сохранила свое положение русской красавицы и обязана была носить косоклинные сарафаны...» (т. 2, стр. 126). Сцены семейного быта Половодовых сопровождаются разоблачительными авторскими ремарками.

Еще обстоятельнее выписана биография Ляховского, охарактеризованы все члены его семьи. «Ляховский принадлежал к типу тех темных людей, каких можно встретить только в Сибири» (т. 2, ч. II, гл. 15, стр. 176). Для этого дельца — главное «наживать для того, чтобы наживать» (т. 2, стр. 177). Жена Ляховского страдает запоем, сын Давид «погибший человек, кутила и мот», Зося «черствая и расчетливая натура», живущая в «вечной погоне за сильными ощущениями» (т. 2, стр. 378).

Очень колоритные бытовые сцены в доме Ляховского объясняют и мотивируют его деловую деятельность. Во II главу Мамин-Сибиряком вводятся как бы совершенно обособленные сатирические сцены —

глава — XVI — Ляховский и Илья (т. 2, стр. 179—181) и случай с метлой (т. 2, стр. стр. 161, 162). В этих сценах Ляховский — скряга нарисован в гоголевском духе и напоминает Плюшкина.

В качестве психологической мотивировки действия следует рассматривать и сцены, разоблачающие Половодова, толкающего свою жену в любовницы Привалова (т. 2, гл. гл. 5, 7) и для спасения своей шкуры толкающего Зосю на брак с Приваловым (ч. IV, гл. 13). И сцена визита Бахарева к Луховскому (ч. IV, гл. 1), раскрывающая полную деградацию этого буржуа, многим обязанного своему гостю и спокойно откашавшего ему в очень тяжелый момент.

Ничего святого нет в этом мире хищников — ни любви, ни семьи, ни дружбы.

Благодаря этим компонентам (биографии героев, семейные и домашние сцены их жизни) линии Половодова и Ляховского становятся слишком развернутыми для второстепенных героев и как бы получают самостоятельное звучание, параллельно с линией главного героя. Целый ряд глав о Ляховском и особенно о жизни Бахаревых с собственными эпизодическими образами (Альфонс Богданович, Шелехов), с самостоятельно развивающимся в них действием, образуют новые сюжетные линии в романе.

Особенно наглядно это проявляется в истории семьи Бахаревых. В романе третья часть общего числа глав составляет описание судеб этой семьи, выделяясь в самостоятельную сюжетную линию. Эта линия развивается параллельно с историей С. Привалова. Историческая глава (ч. I, гл. 9) характеризует Бахарева как преемника патриотических традиций русского горнозаводского дела. В диалогах, сценах романа В. Н. Бахарев обнаруживает страстную нетерпимость к отступникам — своему сыну Косте, отказавшемуся быть золотопромышленником (ч. I, гл. 4, ч. IV, гл. 4) и С. Привалову, променявшему заводы на мельницу (ч. I, гл. 17). По ходу действия романа разбросаны реплики, замечания Василия Бахарева, свидетельствующие о том, что он пристально следит за заводскими делами (ч. I, гл. гл. 8, 9; ч. V, гл. гл. 5, 6, 17). К концу романа внимание автора к этому герою усиливается. Внутренние монологи (ч. III, гл. 8; ч. IV, гл. 1; ч. V, гл. гл. 3, 14, 17) передают глубокие страдания одинокого старика, вокруг которого рушатся самые дорогие традиции. В особенно сгущившейся атмосфере хищничества, жульнических комбинаций вокруг Шатровских заводов, В. Н. Бахарев является самым близким автору героем. Его и выдвигает Мамин-Сибиряк на первый план. Инициатива в действии в конце романа переходит к В. Н. Бахареву. Он поворачивает приваловскую историю по своему разумению — устраивает личное счастье С. Привалова со своей дочерью, завещает капиталы своему внуку Павлу Привалову и с ними надежду на восстановление былой славы Шатровских заводов. Линией Бахарева заканчивается роман и ею утверждается сила и значение патриотических традиций, значение заводов в жизни России.

Меняется функция обобщенного образа города во II, III, IV частях. В I части, в экспозиции, обобщенный образ города — это стихия, живущая интересом к главному герою романа С. Привалову, ожидающая от него каких-то интересных сюрпризов. В III, IV частях романа город выступает как порочная среда, затягивающая героя. В этой среде происходит его падение. Но гораздо важнее значение тех же городских нравов в их исторической характерности и существующих независимо от главного героя. Жизнь здесь, как и всюду, построена на контрастах нищеты и роскоши. Несколько глав II-ой части, описывающих приготовление к балу в доме Ляховских (ч. III, гл. гл. 15, 16, 17, 18), непо-

средственно соседствуют с главами о вымирании башкир, о бедах заводского населения (гл. 13).

Все те же, как и всюду, приемы, завтраки, званые дни, перенятые у дворянской аристократии (ч. II, гл. 3). Под внешним приличием здесь все же бывает очень трудно скрывать откровенное поклонение миллионкам. «Когда дверь затворилась за Приваловым... в гостиной Агриппины Филипповны несколько секунд стояло гробовое молчание. Все думали об одном и том же — о приваловских миллионах, которые сейчас вот были здесь, сидели вот на этом самом кресле, пили кофе из этого стакана, и теперь ничего не осталось...» (т. 2, стр. 113).

Все те же, как и всюду в России общественные клубы (ч. 4, гл. 4) — «Здесь процветал знаменитый сибирский вист с винтом», в бильярдной и читальне велись приятные и неприятные беседы, отдыхали поклонники Бахуса» (т. 2, стр. 293). Здесь каждый вечер многолюдные собрания разной публики: чиновников, купчиков, учителей, горных инженеров, золотопромышленников, заводчиков. Здесь происходят тайные свидания и деловые встречи, выставки невест. «В буфете заседали отцы семейств, коммерсанты, денежные тузы; вверху сновала из комнаты в комнату действующая армия невест, находившаяся под прикрытием маменок, тетушек и просто дам, которые «вывозили» девушек в свет» (т. 2, стр. 297).

В V части романа дано описание игорной комнаты узловского Общественного клуба. И это тоже достопримечательность не одного только уральского города Узла, а любого города пореформенной России. «Адвокаты, инженеры, золотопромышленники, купцы, разночинцы — все перемешались за зеленым полем в одну братскую пеструю кучу, живущую одним интересом (т. 2, стр. 381). Тут свое деление игроков на ранги — «от нечего делать», «спустить жалованье», «забудлыги», «по профессии, великие специалисты, чародеи и магики» (т. 2, стр. 382). Здесь происходят карточные турниры, и тогда Общественный клуб становится сердцем города, «как военные бюллетени шепотом передавали в городе последние новости о ходе игры. «Куши росли, а с ними росло и внимание публики» (т. 2, стр. 382). В среднем в год здесь проигрывалось сто тысяч. В городе доподлинно было известно, кто и сколько проиграет знаменитым игрокам — Давид Ляховский и Виктор Бахарев по пяти тысяч, «выбросит десять тысяч Лепешкин», Н. Веревкин «просадит все до последней нитки», будут случайные жертвы. Мастера «зеленого поля» Иван Яковлевич Веревкин, Пареный, Ломтев были «героями зимнего сезона» (т. 2, стр. 382, 383).

Описание Узла переходит в описание Ирбитской ярмарки. Ирбит — неизмеримо более высокая сфера жизни, чем провинциальный городок Узел. Проводимые в Ирбите ярмарки — это уже достояние и факт пореформенного развития России. Сама жизнь, историческая действительность должны были убедить героя в победе капиталистического строя, в бессмысленности своего эксперимента. Герой романа почувствовал себя крупницей, затерянной в ярмарочном море. То, что казалось случайным в Узле (случайно С. Привалов оказался втянутым в клубную жизнь, случайно в этом городе оказались мастера зеленого поля, любители всевозможных диких выходов золотопромышленники Лепешкин и Шелехов), получает характер закономерности в описании Ирбитской ярмарки. Мамин-Сибиряк описанием Ирбитской ярмарки доводит до полного развития и завершения характеристику Узловской жизни. Здесь в Ирбите во всю силу своего таланта развернулся карточный игрок Иван Яковлевич Веревкин. Только здесь он мог пережить высшую точку общественного признания (ч. IV, гл. 11, 12). «Появление Ивана

Яковлевича произвело на публику заметное впечатление: сотни глаз смотрели на этого счастливого... Эти богачи и миллионеры теперь завидовали какому-нибудь Ивану Яковлевичу... На него смотрели с восторженным удивлением, как на победителя. Даже обыгранные им купчики разделяли это общее настроение: они были довольны уже тем что проиграли не кому другому, а самому Ивану Яковлевичу» (т. 2, стр. 406). Грандиозные масштабы на Ирбитской ярмарке приобретает и игра, и пьянство, и дикие оргии веселящейся буржуазии, и массовые сборища.

В массовых сценах (ч. V, гл. 11, 12) характеризуются участники ярмарки: «Московские тузы по коммерции, сибирские промышленники, фабриканты, водочные короли, скупщики хлеба и сала, торговцы пушниной, краснорядцы» (т. 2, стр. 405), дельцы из Одессы, из Архангельска, Сибири, из Бухары, Румынии, Китая, Англии, Франции, Америки, Италии, Армении (т. 2, стр. 392).

«Картина!.. — говорил Веревкин — вот вам наша будущая буржуазия, которая тряхнет любезным отечеством по-своему. Силища, батенька, страшная!» (т. 2, стр. 403).

Многочисленные сцены воссоздают общую атмосферу ярмарки. Вот лакеи под руки ведут захмелевшего купчика, а ему вслед Веревкин кричит: «Кричи, братику: все любезное отечество помаленьку слопаешь» (т. 2, стр. 392). Вот совсем разомлел за «парой чая» благообразный старик из купцов, с умилением и восторгом радуется он ярмарке: «Привел господь в шестьдесят первый раз приехать в Ирбит... В гору идет ярмарка-матушка... Умножается народ!» (т. 2, стр. 393). Вот лезет с кулаками на Ивана Яковлевича золотопромышленник Лепешкин (т. 2, стр. 401).

Сцены беспробудного пьянства (ч. V, гл. 10, 11, 12) сменяются сценами оргий (ч. V, гл. XI, т. 2, стр. 403), сценой катания на тройках (ч. V, гл. 2), рассказами Лепешкина о том, как они с Данилушкой Шелеховым, «публику изутешили» (ч. V, гл. 2) и описанием театрального представления, как бы продолжающего дикие оргии ярмарочной толпы.

Всюду на ярмарке С. Привалов «чувствовал себя частью этого громадного целого... Ведь это целое было неизмеримо велико и влекло к себе с неудержимой силой...» (т. 2, стр. 405). И в этих словах героя не только итог его эволюции, но и решение проблемы о соотношении героя и среды в романе «Приваловские миллионы».

---

Роман Д. Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы» отличается неповторимой, только этому роману свойственной композицией. Она подчинена прежде всего идейному замыслу писателя — показать величие подвига народников в их стремлении помочь народу и в то же время раскрыть несостоятельность их практической деятельности в борьбе с капитализмом. В связи с этим психологизм становится очень важной стороной идейного содержания — это внутренний план. Здесь утверждаются высокие идеалы и благородные стремления героя, способность его к возрождению после того, как он осознал свои ошибки. В соответствии с замыслом автора во внешнем плане — во взаимоотношениях героя со средой, в поступках героя раскрывается непонимание им действительности и окружающих его условий и неспособность бороться за выполнение поставленной цели. Здесь герой оказывается побежденным хищнической буржуазией, он признает неудачу своей деятельности.

В соответствии с замыслом автора все в романе должно подчиняться задаче раскрытия образа С. Привалова, его эволюции. Но в процессе творческого воплощения этого замысла происходит перемещение центра произведения с образа героя на окружающую его среду. В композиции романа это проявляется прежде всего в том, что окружающая героя среда утрачивает значение фона в раскрытии его образа. В многочисленных и разнообразных компонентах, характеризующих окружающую героя действительность, происходит постепенное накопление очень важного материала, имеющего самостоятельное общественное значение. Формальная связь между этими компонентами обеспечивается теперь благодаря главному герою романа. Композиция романа служит выражению всей широты идейного содержания, выходящего за рамки авторской концепции произведения.

Вильнюсский  
государственный педагогический институт

Поступило  
в апреле 1966 года

#### D. MAMINO-SIBIRIAKO ROMANO „PRIVALOVŲ MILIJONAI“ KOMPOZICIJOS YPATYBĖS

LIUDMILA GALINIENĖ

#### Re z i u m ė

Straipsnio tikslas — išaiškinti kompoziciją, kaip romano idėinio turinio išraiškos priemonę. Čia nagrinėjamas D. Mamino-Sibiriako romanas „Privalovų milijonai“ pirmasis rašytojo sukurtame „urališkame“ cikle. Idėinis romano turinys daugiapusis ir šakotas. Tuo tarpu autorius savo „Autobiografinėje pastaboje“ nurodo, kad svarbiausia šiame romane — Sergejaus Privalovo likimas ir jo sudėtinga evoliucija.

Teoriniu tokio sudėtingo kūrinio analizės pagrindu imamas tarybinio rašytojo K. Fedino pasisakymas, kad kompozicija nėra autoriaus savivalė, o temos vystymo logika. Todėl šio straipsnio autorius siekia įrodyti, kad „Privalovų milijonų“ kompozicija išreiškia visą romano idėinio turinio esmę.

Būdingiausia romano kompozicijos ypatybė yra autoriaus noras sugrupuoti visus veikėjus, įvykius ir apskritai visą romano medžiagą apie pagrindinį veikėją Sergejų Privalovą.

Tuo pačiu atskirose kūrinio dalyse palaipsniui kaupiama medžiaga, charakterizuojanti aplinkos tikrovę ir turinti savarankišką reikšmę. Ir veiksmo eigoje kūrinio svorio centras iš pagrindinio veikėjo persikelia į jo aplinką. Aplinka nustoja būti fonu, vien tik atskleidžiančiu Privalovo paveikslą. Dabar priešingai — Privalovo paveikslas, jo asmuo padeda jungti atskiras kūrinio dalis, jo komponentus. „Privalovų milijonų“ kompozicija išreiškia visą romano idėinį turinį, aiškiai prašoka autoriaus koncepciją.

# COMPOSITIONAL PECULIARITIES OF MAMIN-SIBIRIAK'S NOVEL "THE PRIVALOV MILLIONS"

LIUDMILA GALINIENĖ

## Summary

The aim of the article is to investigate the composition of the novel as an expressive means to render its idea content. The here discussed novel — "The Privalov Millions" is the first book of Mamin-Sibiriak's "Urals" series. Its idea content is manysided and has many branches. Whereas in his "Autobiographic Note" the author points out that the main thing in his novel is the destiny of Sergej Privalov and his complicated evolution.

As theoretical basis for the analysis of so complicated a work was used the view of K. Fedin, a Soviet writer, that composition is not the self-will of an author but the logic dictated by the development of the theme. Therefore the author of the article endeavours to prove that the composition of "The Privalov Millions" expresses the essence of the novel's idea content.

The most typical peculiarity of the novel's composition is the writer's desire to group all the acting personages, events, all the material of the novel round the chief personage — Sergej Privalov.

Thereby in separate parts of the work we find a gradual accumulation of material that characterises surrounding reality and has a significance of its own. And so in the course of the action the novel's centre of gravity shifts from the chief personage to his surroundings. The surroundings stop being a mere background revealing the portrait of Privalov. Now it is the reverse: Privalov's picture, his personality serve to unite the separate parts of the novel, its components. The composition of "The Privalov Millions" expresses all the idea content of the novel and clearly surpasses the author's conception.